

ТРАДИЦИОННОЕ И НЕТРАДИЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ДИАЛОГА

Как известно, лингвистическая прагматика, изучающая функционирование языковых единиц в речи, возникла сравнительно недавно, в 60-х – начале 70-х гг. XX в. под влиянием логико-филологических теорий речевых актов (ТРА) Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серла, З. Вендлера, прагматической теории значения П. Грайса и прагматических теорий референции Дж.Р. Серла, П.Ф. Стросона [3, с. 390] и вскоре стала одним из центральных направлений современной лингвистики.

Ключевое понятие прагматики – речевой акт. Традиционно, под речевым актом понимают целенаправленное речевое действие, совершаемое одним говорящим с учетом другого в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе. Согласно Дж.Р. Серлу, речевой акт – это произнесение высказывания (*utterance*) с определенной целью с той или иной иллокутивной силой (*illocutionary force*) [7, с. 152]. В свете теории речевых актов речевой акт представляет совокупность трех частей – иллокутивного, локутивного и перлокутивного актов. Длительное время основной и наименьшей единицей коммуникации считался речевой акт.

С введением понятия контекста в область лингвистических исследований прагматика стала обращать внимание на процесс коммуникации, связывая ее не с речевым актом, а с диалогом, поскольку он является формой речевого общения, наиболее адекватно отражающей специфику разговорной речи. Для оптимального исследования речевого общения теория речевых актов была дополнена диалогической теорией.

Выбирая диалогический вид текста в качестве базового для анализа, представляется необходимым остановиться подробнее на рассмотрении диалога в рамках его традиционного понимания, выявить характерные для него особенности, а затем перейти к проблеме нетрадиционного понимания диалогического общения, что представляет для нашего исследования большой интерес.

Термин «диалог» происходит от греческого слова «dialogos» – беседа, разговор двух субъектов. Диалог – форма речи, состоящая

из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие и интерпретация, активизирующая роль адресата в речевой деятельности [3, с. 204]. Диалог представляет собой наиболее яркий и естественный случай коммуникации, т.к. подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге [4, с. 5]. «Диалог, – по мнению Г.Г. Почепцова, – выводит нас на уровень дискурса, где резко повышена роль другого, роль адресата» [6, с. 34].

Таким образом, под диалогом понимают акт непосредственного речевого общения двух или более коммуникантов, возникающий по инициативе одного из говорящих и протекающий в форме перемежающихся текстуально / ситуативно обусловленных реплик. Одной из основных характеристик диалогического текста является его когерентность. Когерентность проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности. Минимальной самостоятельной единицей диалога является объединение предложений (реплик), соединенных оккурсивной связью - диалогическое единство или «оккурсема» [1, с. 10], например:

„Sie müssen doch wissen, wo sich Charly zur Zeit aufhält?“, - fragte sie ihn.

„Leider nicht, Frau Grafen“, - erwiderte er. - „Ich habe ihn schon seit sieben Monaten nicht mehr gesehen.“ [10, с. 12]

Процесс коммуникации – двусторонний процесс, т.е. он связан не только с интенцией говорящего, но и с реакцией адресата речи. Именно поэтому изучение коммуникативного процесса должно вестись с учетом интенции говорящего и реакции собеседника, следовательно, материалом нашего исследования являются диалогические единства. Естественно, что реплики диалога ориентированы друг на друга. Они связаны не только содержательно. Между ними существует согласование по иллокутивной функции, которую Е.В. Падучева определяет как «выражение того или иного коммуникативного намерения говорящего» [5, с. 306].

Из вышесказанного следует, что в процессе диалогического общения участвуют, по меньшей мере, два коммуниканта: адресант и адресат – каждый из которых выполняет свою определенную роль. Адресант (говорящий или пишущий создатель текста) направляет свою речь на адресата как на объект своей речевой деятельности и, так или иначе, воздействует на него. Одновременно адресат рассматривается им в качестве второго субъекта того же

речевого акта, в качестве гартнера по общению. В свою очередь адресат поддерживает контакт с адресантом, сообщает ему вербальными и невербальными средствами о ходе восприятия сообщения, ведет себя как партнер, принимающий от адресанта запросы информации, сообщения, предписания совершить некоторые действия [2, с. 72].

Таким образом, обозначенные нами моменты позволяют характеризовать диалог с позиции его классической интерпретации. Однако наше внимание привлекают такие коммуникативные фрагменты речи, в которых наблюдается несоответствие формальной и содержательной сторон диалога, что влечет за собой определенные «прагматические последствия» и ставит под сомнение возможность считать их диалогом в его традиционном понимании, например:

Der kleine aber gebot keins von beiden, sondern rief: „Walze ihn ab, meine liebe Rolling-Mary!“

Das Maultier warf sich augenblicklich nieder und rollte sich wie eine Walze auf dem Boden hin [9, с. 21].

В приведенном диалоге участвуют неравноправные коммуниканты. В роли адресанта выступает человек, языковая личность, а в роли адресата – животное, в данном случае лошадь. Таким образом, речь идет не о типичной форме общения. Несмотря на то, что хозяин, произнося инициальную реплику, обращается к лошади как к равноправному партнеру по общению, он изначально рассчитывает на то, что не получит ответной реакции, выраженной языковыми средствами. Однако адресант не сомневается в том, что его вербализованная интенция распознается, и это приведет к достижению необходимого результата, выполнению соответствующей команды. Коммуникативно-прагматические последствия: адресатом совершается определенное действие, но не действие произнесения высказывания.

Приведем пример телефонного разговора, который происходит между двумя равными партнерами, языковыми личностями.

„Kannst du nach Dusseldorf kommen? Mich abholen? Ich hab' kein Geld mehr!“

„Natürlich, Anja.“

„Wie geht es Vater?“ Und da machte es auch schon Klick, und die Sprechzeit des Munzfernsprechers war zu Ende [8, с. 429–430].

За иницирующей репликой должна следовать реагирующая, но в силу экстралингвистических факторов, а именно, в нашем

случае истечения времени оплаченного разговора, происходит выпадение ответного высказывания и не достигается желаемый результат, в чем и проявляется коммуникативно-прагматические последствия в данном диалогическом общении.

В приведенных нами примерах наличие инициирующей реплики и полное отсутствие реагирующих, следовательно, возникает проблема: можно ли рассматривать подобные типы диалогов как традиционные.

Наше внимание привлекают и те случаи, когда в процессе общения адресант рассчитывает на понимание адресата, на распознавание его интенций и на определенную реакцию в соответствии с таким распознаванием, а адресат действует неадекватно и нарушает его ожидания. Конкретно в данном случае мы имеем дело с ответными репликами-возгласами (*Himmel Gott* и т.д.), которые не несут в себе никакой информационной нагрузки, а являются на эксплицитном уровне средствами обращения к природным и божественным силам, а на имплицитном – средствами эмоциональной оценки предложенной адресантом ситуации, например:

„Meinen Sie nicht? Hier“, sagt der Jurist und schiebt seinem Mandanten drei Packchen Zigaretten zu – „Von Joe.“

„Dürfen Sie das denn?“ fragt Charly.

„Himmel“, – erwidert Kund g lachend, – „wenn Sie danach fragen dürfen Sie in dieser Zeit überhaupt nichts“ [10, с. 96].

Для теории диалога уже недостаточное рассмотрение диалога в его традиционном понимании, и она начинает выходить за эти рамки. Теперь лингвистических исследователей привлекают не только нормативные типы диалогов, но и нетипичные, нестандартные и традиционные формы диалогического общения: их структурные, содержательные и прагматические характеристики.

В данной статье была предпринята попытка самого общего описания в традиционного типа диалога. Мы затронули лишь некоторые характерные для него черты / особенности, но эти характеристики диалога с точки зрения его нетрадиционного понимания себя не исчерпывают и предоставляют новые возможности для лингвистических исследований.

Литература

1. Блох М. Я.; Поляков С. М. Строй диалогической речи. – М., 1992.

2. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи – М., 2003.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

4. Михайлов Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи. – М., 1986

5. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв. АН СССР. (Серия литературы и языка). – 1982. – № 4. – Т. 41. – С. 305-313.

6. Почепцов Г.Г. (мл.). Коммуникативная стратегия и тактика / Г.Г. Почепцов // Диалог глазами лингвиста: Межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1994. – С. 34-39.

7. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986 – С. 151-170.

8. Alexandra Cordes. Das dritte Leben. – Koln, 1985.

9. Karl May. Der Olprinz. – Hamburg, 1973

10. Will Berthold. Die Frauen nannten ihn Charly. – München, 1986.